

Контуры неоглобализации

Альтернативные повестки дня

© Елецкий Н. Д.

© Eletsky N.

Контуры неоглобализации. Альтернативные повестки дня

Contours of neoglobalization. The alternative agendas

Аннотация. Развитие объективных основ глобализации и кризис современного глобализма предопределяют необходимость перехода к неоглобализации. На единой технической базе возможны различные социальные формы и альтернативные траектории эволюции неоглобализации. Становление нового мирового порядка происходит в условиях противоборства инерционной модели глобализма и потенциала гуманизации глобальных взаимодействий. Гуманистическая альтернатива предполагает формационную модификацию глобального социума.

Annotation. The development of an objective basis of globalization, on the one hand, and the crisis of modern globalism, on the other, determine the necessity of transition to neoglobalization. On the common technical base of neoeconomy there are possible various social forms and alternative trajectories of the evolution of neoglobalization. The establishment of a new world order takes place under conditions of confrontation between the inertial model of globalism and the potential of humanization of global interactions. Humanistic alternative involves formational modification of the global society.

Ключевые слова. Глобализация, глобальные противоречия, кризис глобализма, новый мировой порядок, неоэкономика, неоглобализация, формационный переход, глобальная политическая экономия.

Key words. Globalization, global contradictions, crisis of globalism, new world order, neoeconomy, neoglobalization, formational transition, global political economy.

Современный переход человечества к стадии глобальной общности характеризуется неопределенностью векторов дальнейшей эволюции. Выявилась историческая предельность как технологических, так и социальных факторов и форм прежних типов функционирования общества. Структуры и механизмы глобализации, соотносящиеся с доминированием глобального финансового капитала в экономике с американизацией надстроечных отношений, обнаружили свое несоответствие объективным реалиям в условиях перехода к новым технологическим укладам и эволюции мирохозяйственной системы в направлении многополярности и выдвижения новых центров экономического, политического и идеологического влияния. Модель американоцентричной гегемонии, соотносимой по утвердившейся

ЕЛЕЦКИЙ Николай Дмитриевич — действительный член Академии философии хозяйства, профессор, доктор экономических наук.

терминологической традиции с понятием «глобализм», претерпевает очевидную эрозию.

Одной из ключевых задач теоретического анализа становится дифференциация объективных предпосылок глобализации и причин кризиса американоцентричных форм глобализма. Общеизвестны пороки утвердившейся модели однополярного глобализма: несправедливость и неравенство, культ грубой силы, национально-государственный и корпоративный эгоизм, претензии на исключительность, двойные стандарты, конфликт технологического прогресса и гуманизма и т. д. Противоречия эти столь глубоки и многообразны, что возникают идеи отказа от глобализации вообще — это просматривается не только в крайностях антиглобалистского движения, но и в формулировках вполне уважаемых политиков и экспертов (так, бывший канцлер Австрии В. Шюссель ставит вопрос о необходимости новых правил для «постглобального» мира [35]). В том же ключе возможны интерпретации Брекзита, высказываний и некоторых действий Д. Трампа, тенденций неопротекционизма, ренессанса принципа национально-государственного суверенитета, регионального сепаратизма [7; 11; 21].

Анализ необходимости и форм перехода к «неоглобализации», преодолевающей противоречия современного глобализма, но адекватно воплощающей объективные предпосылки формирования глобальной цивилизационной общности, составляет ключевой элемент исследовательской программы современного обществоведения, а исследование экономических основ этого процесса становится важнейшей задачей глобальной политической экономики, превращающейся в основную модификацию политико-экономического знания [16; 37; 40; 42].

Неоглобализация может развиваться в различных формах, часть из которых чревата не меньшей противоречивостью, чем предшествующий глобализм. В этом отношении сохраняется значительная неопределенность [4; 6; 10; 17]. Поскольку тенденции проявления этих альтернатив и действия социальных сил, заинтересованных в их реализации, наблюдаются уже сегодня, можно говорить не только о теоретических концепциях неоглобализации, но и об альтернативных повестках дня, синтезирующих теоретические подходы и практические действия субъектов неоглобализационных процессов [5].

Формирование неэкономики как объективная основа процесса неоглобализации

Кардинальные изменения в производительных силах — объективная материальная основа социальной трансформации, в том числе новых форм глобализации. Переход к качественно новому состоянию производительных сил характеризуется различной терминологией и концептуальными моделями [30; 31]. Популярными ранее идеи постиндустриального общества и сервисной экономики сменяются размышлениями о шестом технологическом укладе, доминировании третичного и четвертичного секторов экономики, четвертой промышленной революции

и возникновении «индустрии 4.0». Обобщает эти концепции понятие «неоэкономика» [8; 25], объединяющее информатизацию производства и его глоболизирующийся характер.

Основным фактором и результатом производства становится экономическая информация; глоболизируются также механизмы использования традиционных ресурсов и рабочей силы, качества которой все больше унифицируются. Адекватную трансформацию претерпевает хозяйственный механизм: основной производственной единицей становятся глоболизирующиеся ТНК; воспроизводство осуществляется посредством мирового рынка на базе глобальных информационных сетей. «Современные цепочки создания стоимости приобрели глобальный характер. Например, в стоимости автомобиля, произведенного на территории США, 30% приходится на комплектующие, произведенные в Корее; 17,5% — на японские передовые технологии и запчасти; 7,5% — на дизайн-услуги немецких фирм; 4% — на тайваньские и сингапурские детали; 2,5% — на услуги британских фирм в области маркетинга и рекламы; 1,5% — на плату компаниям Ирландии и Барбадоса за обработку данных... Только 37% стоимости автомобиля создается на территории США» [23. С. 16].

Неоэкономике присуща глобальная унификация производственных и потребительских стандартов и индивидуализация потребительских запросов. Гибкие автоматизированные производственные системы позволяют варьировать потребительские свойства благ применительно ко все более детально сегментируемому спросу вплоть до индивидов, которые через интернет-торговлю могут заказать товар, производимый в любой точке земного шара.

Информационно-компьютерные технологии, персональные компьютеры, включенные в глобальные информационные сети, кардинально меняют технические и социальные параметры понятия «рабочее место». Меняется соотношение понятий «рабочее» и «свободное» время; их пропорции в системе информационного производства все больше определяются самим работником и находятся вне сферы официально-административной регламентации.

Вызревают объективные предпосылки и возникают элементы институционально-юридического оформления глобальной собственности. Формирование глобальной собственности составляет в то же время объективную основу генезиса глобального экономического управления. Экономическое управление вообще является одной из атрибутивных сторон реализации отношений собственности; данная общеэкономическая закономерность проявляется ныне на глобальном уровне [14; 19; 39]. Глобальное управление предполагает глобальное целеполагание и планомерное воздействие на общепланетарные процессы, а также формирование ресурсной базы, инструментов, механизмов и институтов управления. Генезис глобальной собственности и глобального экономического управления происходит противоречиво; причины и формы разрешения этих противоречий — одна из сущностных сторон предмета глобальной политической экономии [4; 9; 30]. Социальное управление на базе

глобальных информационно-коммуникационных технологий содержит технический потенциал возникновения предельных форм тоталитаризма в так называемом прозрачном обществе, в котором все аспекты жизнедеятельности находятся под контролем надзирающих структур.

Неоэкономика как феномен информационной природы, имеющий глобальные масштабы, является качественно новым этапом развития мировой экономической цивилизации, приходящим на смену производству традиционного индустриального типа. Практика последних десятилетий подтвердила истинность прогнозов Д. Белла, Э. Тоффлера, П. Друкера и других теоретиков постиндустриализма. Неоэкономика развивается как экономика знаний, основанная на доминировании информационных ресурсов и форм богатства; происходят кардинальные трансформации отраслевой структуры народного хозяйства, содержания труда и места работника в автоматизирующейся производственной системе; возрастает значимость экологических факторов и происходит переход к природосохраняющему и природовосстанавливающему типу экономической деятельности. Вряд ли справедлива критика концепции постиндустриализма в контексте проблемы деиндустриализации развитых стран (а тем более деградации индустриального комплекса России), которая обусловлена ошибками экономической политики.

Неоэкономика предполагает дальнейшее развитие и углубление глобализации. Но конкретные глобализационные взаимодействия могут при этом различаться, а в своих социальных проявлениях выступать как альтернативные, противодействующие друг другу. Объективные противоречия глобализации могут дополняться и усиливаться субъективными, вызванными попытками сознательного управления глобализационными процессами [29].

Поскольку многие элементы неоэкономики еще не выявили полностью свою техническую и социальную природу, адекватные этой сущности процессы неоглобализации могут быть охарактеризованы лишь в их основных контурах. «В диагностике динамики глобальных тенденций не исключить системную трудность: нельзя преодолеть время, которое невозможно увидеть и ощутить» [18. С. 59].

Неоглобализация как процесс формирования единой корпорации

Неоглобализация может реализоваться как развитие принципов и механизмов глобализма, которые уже сформировались на базе утвердившегося господства международного финансового капитала; это предполагает дальнейшую трансформацию ТНК в глобальные корпорации (ГК), но в предельном воплощении этих процессов, придающем им новое качество. Этот вариант предполагает полное всевластие «железной пяты», которая подавит человечество и доведет до предела всевластие международной финансовой олигархии. Организационно «железная пята» примет форму, перспективы которой анализировались еще в начале XX в. в концепции «всемирного треста».

Развитие отношений глобальной собственности приведет к контролю над всеми общепланетарными ресурсами и распоряжению всеми видами общественных богатств крайне узкой группой «конечных бенифициаров»: будет достигнута конечная стадия процессов, в ходе которых капиталы восьми богатейших бизнесменов уже сравнялись со средствами половины мирового населения [46]. На ранних этапах данного варианта неоглобализации будет продолжаться эрозия национально-государственного суверенитета, и аппарат даже крупнейших государств во все большей степени станет выполнять функции аппаратных структур глобальной олигархии («В 2000 году было лишь 8 государств, которые не контролировались семейством Ротшильдов. В 2011 году оставалось только 3 страны, а теперь они контролируют почти все страны, кроме Кубы и Северной Кореи... Именно Ротшильды, а не президент Эммануэль Макрон, правят Францией, и... даже США и могущественная британская королевская семья не управляют Британией» [26]). Дальнейшее взаимопроникновение корпоративных капиталов, усиление интегративной «сцепленности» финансовых и организационных процессов на производственной базе глобальных цепочек создания стоимости объективно ориентированы на формирование единой глобальной информационно-производственно-финансовой системы. Эта система характеризуется принципиальной исторической новизной, но с учетом терминологической традиции предшествующей эпохи ее можно условно определять в качестве единой глобальной корпорации.

Развитие отношений глобальной собственности приведет к контролю над всеми общепланетарными ресурсами и распоряжению всеми видами общественных богатств крайне узкой группой «конечных бенифициаров»: будет достигнута конечная стадия процессов, в ходе которых капиталы восьми богатейших бизнесменов уже сравнялись со средствами половины мирового населения.

Формирование многоуровневой управленческой системы единой глобальной корпорации приведет к ослаблению, а затем и преодолению реликтов Вестфальской системы. Аппаратные функции полностью перейдут от государств к глобальным оргструктурам, выросшим из консолидирующегося межкорпоративного управленческого аппарата нынешних ГК и кардинально трансформированных международных организаций, либо к новым органам, специально созданным для обеспечения интересов глобальной олигархии с использованием опыта уже возникших глобализирующихся негосударственных акторов (аналогичных частным военным компаниям [24]).

Развитие глобального аппаратного инструментария на базе консолидации капиталов ГК окажется соотнесено с институциональным оформлением реального «мирового правительства», прообразами которого выступают сейчас неформальные структуры, объединяющие ведущих представителей глобальной финансовой олигархии. К числу их важнейших целей аналитики относят создание «единого мирового правительства (глобальной корпорации) с одним глобальным рынком, безопасность которого будет обеспечиваться глобальной мировой армией, и финансовым регулированием одного (мирового) Центрального банка, использующего единую мировую валюту» [41].

Одна глобальная производственно-финансовая корпорация, единый глобальный рынок, один мировой центральный банк, единая мировая валюта и гарантирующие их функционирование мировое правительство и единая глобальная армия — таковы основные элементы неоглобализационного проекта, призванного обеспечить абсолютное господство количественно крайне ограниченной глобальной финансовой олигархии. По мере виртуализации денежных отношений финансовая олигархия будет трансформироваться в олигархию «вообще» как субъектное воплощение универсальной власти и господства. Можно трактовать ее как «информационную олигархию» — собственность на информацию и ее материальные носители становится по своей социальной роли адекватна собственности на землю в традиционных обществах, собственности на индустриальные объекты в условиях классического капитализма и на финансовый капитал — в условиях его монополистической стадии.

Неизбежная для такой модели мироустройства социальная стратификация предполагает существование привилегированной obsługi, количественно ограниченной потребностями олигархии, и необходимостью исполнения бюрократических функций в административной, производственной, военной и идеологической сферах («приказчики будущих хозяев мира» [34]). К исполнению функций технического контроля и управления в этих сферах предназначены, если экстраполировать существующие тенденции, представители англосаксонской этнической общности. Далее, по мере снижения степени привилегированности, будут представлены романо-германские этносы Западной Европы, а подавляющая часть населения планеты окажется в статусе рабов — при всей возможной внешней модификации этого статуса, но несомненности его социальной природы. В соответствии с получившими известность планами нынешней мировой «закулисы», население планеты должно быть многократно сокращено и не превышать 1 млрд человек (хотя для особо рьяных «друзей человечества» и это число завышено; они предлагают «лимит» в 200 и даже 100 млн человек [28; 36]).

Подобная предельно тоталитарная социальная система может быть обеспечена всеобъемлющим репрессивным аппаратом, непрерывным контролем всех аспектов жизнедеятельности каждого индивида и всесторонней идеологической обработкой населения [45]. Современные информационно-коммуникационные системы предоставляют для этого

невиданные технические возможности, на основе которых традиционные демократические процедуры и институты превращаются в фикцию.

Типичным примером в этом отношении стали последние президентские выборы во Франции, когда «с нуля» была в кратчайшие сроки «раскручена» кандидатура ставленника Ротшильдов; его недостатки превращены в достоинства, соперники дискредитированы. В результате избиратели проголосовали за носителя самоубийственной для французской идентичности глобалистской программы, в том числе за расширение иммиграции. Выборы были организованы так, что избиратели проголосовали против своих интересов, но в интересах глобальной олигархии. Можно напомнить о дискредитации и смещении Д. Стросс-Кана — директора МВФ — после того, как он отметил роль недостатков основанной на господстве доллара мировой валютной системы в провоцировании глобального финансово-экономического кризиса, а также выразил поддержку М. Каддафи по вопросу укрепления валютных систем развивающихся стран на основе снижения их зависимости от доллара.

Что касается идеологического диктата и контроля, то современные технологии способны превратить его в психологически-ментальный, далеко превзойдя самые мрачные прогнозы антиутопий. Уже достигнутый уровень контроля — выявление умонастроений каждого индивида непрерывным мониторингом информации в персональных гаджетах. Общеизвестно (и разоблачения Дж. Ассанжа и Э. Сноудена лишь конкретизировали эти факты), что спецслужбы мира ежедневно отслеживают десятки миллиардов электронных сообщений, каждое из которых сохраняется в базах компьютерной памяти. В последнее время для мониторинга индивидуального электронного контента стали использоваться возможности «Интернета вещей»: содержание индивидуальных сообщений отслеживается многоуровневой системой автоматического компьютерного контроля; по кодовым словам и иным признакам компьютеры определяют, должно ли конкретное сообщение сразу быть отправлено в архив или же передано на более высокий уровень компьютерной обработки, а при необходимости, с самых высоких ее уровней, — представлено для анализа оператору-человеку. Новые возможности подобного контроля будут возникать по мере перехода к квантовым компьютерам и развития искусственного интеллекта.

Но выявление и нейтрализация неблагонадежных — лишь исходный и самый простой уровень идеологического контроля и политического диктата олигархии. Важнее, что информационные технологии позволяют с первых дней жизни так «форматировать» сознание каждого человека и воздействовать на его подсознание, что он в принципе не сможет стать противником олигархии, воспринимая ее господство в качестве естественного закона природы и будучи не в состоянии представить иной тип социального устройства. Это сделает лишним и контроль за «мыслепреступлениями» в силу исчезновения таковых. Одно из уже широко реализуемых направлений ментально-психологического манипулирования — рецептура «поведенческой экономики»

с ее прикладными разработками по «подталкиванию» потребителя в направлении «правильного» выбора при сохранении иллюзорной свободы этого выбора, жестко predetermined архитекторами социального мироустройства.

Возможности контроля за движением информации посредством уже существующих технологий подтверждают обоснованность аргументов тех аналитиков, которые критически оценивают представления о современном терроризме — и международном, и внутрисударственном — как о спонтанном и неуправляемом явлении. Все каналы движения информации, связанной с террористической деятельностью, могут быть полностью отслежены. Терроризм — один из инструментов «управляемого хаоса», планомерно используемого международной и национальной олигархией в качестве метода управления и репрессий в отношении неудобных. Попытки даже самого умеренного оппонирования диктату олигархии, спонсируемого ею терроризма, неофашизма, асоциального и антигуманистического экстремизма подавляются все более изощренным арсеналом глобально скоординированных репрессий, травли, «гибридных войн», «цветных революций», «гуманитарных интервенций», «санкций», с чем пришлось столкнуться в последние годы и нашей стране. «Причина в том, что в ряде вопросов Россия выступила против гегемонии корпоративного капитала и, что особенно опасно (с их точки зрения), показала, что эту гегемонию можно ограничить. Этого нам не простят» [3].

Характеризуя социальную дифференциацию в условиях господства глобальной информационной олигархии, нельзя не учитывать и потенциал развития генной инженерии, неоевгеники и трансплантологии, способных превратить социальные различия в биологические. Высокая продолжительность жизни, далеко превышающая среднемировую, и сохраняемая при этом эффективная трудоспособность, демонстрируемая сегодня некоторыми представителями финансовой, политической и идеологической элиты, объясняются не только высоким качеством медицинского обслуживания и здоровым рационом, но и заменой органов — зачастую неоднократной, а иногда и криминальной по методам их получения. Технически нет препятствий для еще более глубокой биологической трансформации представителей привилегированной верхушки олигархического общества, ведущей к возникновению если не нового биологического вида, то как минимум подвида при одновременной биологической и особенно ментально-психологической деградации основной части человеческого сообщества [20].

Тенденции неоглобализации в форме создания единой глобальной корпорации с усилением господства финансово-информационной олигархии и при сохранении эксплуататорско-капиталистических принципов социально-экономического устройства общества возможны на базе потенциала достигнутых и прогнозируемых для ближайшего будущего технологий. Но полной неопределенностью характеризуется сегодня вопрос о принципиальной возможности, а тем более — механизмах выхода из подобного рода антигуманного состояния общества. Известные

тоталитарные структуры характеризовались значительной внутренней устойчивостью и трансформировались или исчезали обычно в результате не внутренних противоречий, а внешнего воздействия более эффективных социальных систем. Как без внешнего воздействия может быть трансформирована, преодолена или ликвидирована предельно тоталитарная система глобального господства информационной олигархии, пока неясно.

Неоглобализация в форме глокализации

Рассмотренные тенденции неоглобализации обусловлены внутренней логикой эволюции ГК, глобальной собственности и глобального управления. Незрелость и противоречивость этой модели обуславливают возникновение тенденций и механизмов, в иной форме воплощающих те же объективные закономерности глобализации. К числу альтернативных форм относятся усилившиеся в последнее время тенденции глокализации экономических и других социальных взаимодействий.

Отсутствие в распоряжении ГК и мировой финансовой олигархии официально институционализированного мирового правительства и единой мировой армии, сохранение хотя и ограниченного, но официально не ликвидированного принципа национально-государственного суверенитета порождает необходимость обеспечения интересов олигархии через деятельность госаппарата отдельных стран. Естественный ход международных отношений ведет к тому, что основным гарантом интересов господствующей в мире олигархии становится правительство самой сильной державы. «Международная политическая экономия» характеризует возникающую при этом систему глобальных взаимодействий посредством «теории гегемонистской стабильности»: «Международной экономической и финансовой системе требуется лидер — страна, которая, сознательно или бессознательно, готова выработать и интернационализировать некую систему правил, устанавливать стандарты поведения других стран и добиваться исполнения странами этих стандартов» [43. Р. 28].

Но фактически сложившаяся система «гегемонистской стабильности» характеризуется многообразными противоречиями, и стабильность ее относительна [2; 4; 38]. Во-первых, самая сильная держава потому и является таковой, что имеет мощную собственную производственную базу и достаточно объемный внутренний рынок, а тем самым — влиятельные группы национального капитала. Поэтому постоянно воспроизводится противоречие между двумя конкурирующими тенденциями: превращение госаппарата самой сильной державы в военно-политический инструмент международной финансовой олигархии и использование этой олигархии как инструмента обеспечения геополитической гегемонии страны-лидера. На практике эти тенденции обретают некие компромиссные и симбиозные формы, но их исходная противоречивость иногда порождает открытые конфликты — как в ходе президентских выборов в США в 2016 г. и последующей внутривнутриполитической борьбы.

Во-вторых, из-за закона неравномерности экономического и социального развития в мире возникают новые центры силы, что ведет к изменению потоков международного капитала, фрагментации интересов глобальной финансовой олигархии и дискретности национально-государственных инструментов реализации этих интересов. Эта тенденция усиливается из-за корыстной политики страны-гегемона, противоречащей утопическим установкам теории «гегемонистской стабильности», по которым данная страна должна «брать на себя большую часть расходов по поддержанию этой системы и особенно готова первой брать на себя обязательства поддерживать невыгодные для себя меры, а именно: покупать излишки товаров, поддерживать поток инвестиций и предоставлять скидки на свои коммерческие бумаги» [43. Р. 28]).

Вместо возложения на себя бремени обеспечения эффективности глобальных структур США извлекают экономические выгоды из своего лидирующего положения и привилегированной роли доллара в мировой финансовой системе. Несколько десятилетий механизм сеньоража позволял США осуществлять до 40—45% мирового потребления при доле в мировом производстве порядка 20%. Действительно преобладающая часть издержек приходится на долю этой страны в военной сфере, но достижение военной гегемонии не в меньшей степени соотносилось с национально-государственными интересами США, чем с экономическими интересами международной финансовой олигархии, для обеспечения которых сегодня необходимы ресурсы не только США, но и других стран, — что и нашло отражение в требовании президента Трампа к ним по увеличению их военных расходов.

Действие закона неравномерности, обусловившее появление новых центров геоэкономического и геополитического влияния, способствовало реформатированию мирохозяйственной системы в направлении многополярности. Усилилась роль глобальных институтов, воплощающих механизмы многополярного мироустройства, — например в рамках G20 (особо важны функции Совета по финансовой стабильности); директор МВФ заявила о возможном переносе штаб-квартиры этой организации в Китай [44]; разрабатываются глобальные финансово-экономические проекты в рамках БРИКС, многие страны стремятся диверсифицировать валютную политику и ограничить зависимость от доллара.

В-третьих, в отличие от процессов глобализационной унификации в производстве и потреблении, аналогичные (и, по сути, объективные) процессы в духовно-культурной и, частично, в политической сферах вызывают психологический дискомфорт у населения многих стран, представителей многих этносов и религиозных конфессий. Обострилась проблема сохранения национально-государственной, региональной и этнической идентификации, активизировались сторонники принципов национально-государственного суверенитета и региональной автономии [27].

Рассмотренные процессы не способны стать препятствием для объективных тенденций эволюции неоэкономики и прежде всего — для

развития информационных технологий и распространения глобальных цепочек создания стоимости, составляющих объективную основу производственного единства мирохозяйственной системы. Но эти процессы могут обусловить особенности ранних этапов неоглобализации, соотносящиеся с феноменами глокализации.

Глокализация — реакция на накопившиеся противоречия глобализма и форма их разрешения или, как минимум, смягчения. В условиях, когда переход к неоглобализации «может стать следствием либо войны, направленной на слом национальных суверенитетов в пользу окончательной власти доллара ФРС, либо упразднения монополии доллара ФРС без глобальной и кровавой войны» [22], возможность реализации второго варианта зависит от перспектив глокализации. Она активизирует фрагментацию мирового хозяйства, процедуры принятия глобально значимых решений переносятся на уровень отдельных стран и их интеграционных группировок, возрождаются механизмы протекционизма. Центр тяжести генезиса глобального управления перемещается от бюрократических инстанций ГК и международных организаций к региональным объединениям, в которых формируются прообразы будущих глобальных управленческих институтов.

Глокализация — не возрождение первичности локальных закономерностей развития, характерной для предшествующих эпох, а локальные процессы под воздействием закономерностей глобализации. Отдельные страны и их группировки действуют в своих интересах в условиях интегрированности их экономических систем в глобальные информационно-производственные процессы, финансовые отношения и механизмы формирования цепочек стоимости. «Коридор свободы» действий локальных субъектов ограничивается возможностью выбора наиболее выгодных для них форм адаптации к закономерностям глобализации при отсутствии возможности изменить суть этих закономерностей. От их действий зависит соотношение позитивных и негативных следствий глобализации для данного локального субъекта; они могут способствовать как выгоде от углубления интегрированности в мирохозяйственные процессы, так и присоединению к числу «жертв глобализации».

Глокализация, многополярность, ренессанс принципа государственного суверенитета и неопротекционизма могут быть лишь временными и существовать лишь на ранних этапах неоглобализации (в этом контексте можно рассматривать и проекты Китая, претендующего на роль лидера глобализации на фоне антиглобалистских деклараций Трампа [11; 29]). Усиление внутренней интегрированности мирохозяйственных процессов приведет к возрастанию роли более эффективных и вытеснению менее конкурентоспособных локальных образований, подчинению или ликвидации последних, приоритетной реализации интересов глобального капитала через госструктуры самой мощной державы или надгосударственные органы самой сильной интеграционной группировки. «Устойчивы те государства, которые формируют путь своей исторической эволюции с учетом прогнозирования многовекового вектора... Неизбежность приобретения миром нового облика будет сопро-

вождаться конкуренцией стран за повышение факторного влияния на мировое развитие, на международные институты — субъекты организации мирового порядка» [18. С. 56, 58].

В качестве промежуточного этапа возможно формирование биполярной мирохозяйственной конфигурации, контуры которой просматриваются в противоречивом симбиозе экономических систем США и Китая. Сложившееся распределение функций в рамках «большой двойки», когда США выполняют роль финансового и научного, а Китай — производственного центра мирохозяйственной системы, будет меняться. США будут пытаться, удерживая роль научного и финансового лидера, осуществить реиндустриализацию; Китай же стремится к дополнению статуса «мастерской мира» функциями «мировой научной лаборатории» и финансового центра.

Взаимозависимость в рамках данной биполярной структуры будет менять свои формы по мере изменения соотношения сил. Противоречие между унифицированными и консолидированными интересами глобального капитала и национально-государственными интересами ведущих держав будет разрешаться через цепочку компромиссов, последовательно отражающих изменение соотношения сил. Сегодня предпочтительнее выглядят перспективы Китая. При эволюционном развитии событий он одержит верх над англо-американским блоком в силу опережающего нарастания производственного и научного потенциала. Попытка его устранения военным путем окажется невозможной уже через 10—15 лет, когда и в сфере военных технологий Китай захватит мировое лидерство. Переход к новой модели глобализации посредством борьбы между лидерами многополярной глокализационной системы будет иметь этнический и этногосударственный аспект, выступающий как современная модификация борьбы между «историческими народами» (по гегелевской терминологии, а в некоторых современных определениях — между «глобально-историческими племенами» [34]).

Предельное развитие неоглобализационных процессов в форме глокализации, по мере приближения победы одного из локализованных центров неоэкономики в глобальной конкурентной борьбе, приведет к тем же результатам, что и посредством ранее рассмотренной модели, но в иной внешней форме. Господство глобальной олигархии установится в социальной оболочке тотального мирового господства одного из государств (или межгосударственных альянсов) при ликвидации или предельно подчиненной формализации прочих и государственно-институционализированного в глобальных масштабах этноидеологического доминирования одной из цивилизационных систем.

Неоглобализация на основе формационных изменений

Неизбежность развития глобализации очевидна, и речь идет о поиске ее новых форм, позволяющих смягчить, а в перспективе — преодолеть рассмотренные выше противоречия. В последние годы в работах российских исследователей и выступлениях политических руководителей

характеризовались черты желаемого нового мирового порядка: равноправие и взаимоуважение, свобода и справедливость, расширение числа субъектов принятия значимых решений с привлечением представителей всех цивилизационных систем, отказ от стремления к односторонней выгоде, социальная гармония и социальная ответственность, уважение к традиционным ценностям и достоинству человека, разрешение спорных вопросов мирным путем с учетом интересов всех сторон, сочетание взаимозависимости, интегрированности и открытости с сохранением уникальной идентичности каждого народа и региона, признание суверенитета как основы системы международных отношений [13; 19; 30].

Это концептуальное ядро российского проекта неоглобализации, призванного «заглянуть за горизонт событий» для преодоления конфликта между техническим прогрессом и гуманизмом, свойственного утвердившемуся и продемонстрировавшим свою историческую предельность формам глобализма.

Рассмотренные инерционные модели неоглобализации характеризуются общностью формационной природы, подчиненностью общечеловеческих интересов частным и сохранением капиталистически-эксплуататорской сущности мировой экономической цивилизации. Вероятность реализации данных моделей обусловлена социальной инерцией и, в частности, сохранением в обозримом будущем контроля международной олигархии над основными инструментами глобального управления.

Однако этот контроль, реализуя интересы олигархии, не в состоянии ликвидировать глубинное объективное противоречие между достигнутым и все возрастающим уровнем обобществления производства в глобальных масштабах и сохраняющимся частным присвоением результатов общепланетарного производства, в том числе — мировой (всемирной) прибыли. Потенциальная всеобщность потребления информации как ее внутренний технологический атрибут, глобальный характер использования основных традиционных производственных ресурсов, формирование глобальных цепочек создания стоимости, необходимость целеполагания и планирования в общепланетарных масштабах характеризуют не только достижение процессом обобществления производства глобального уровня, но и обуславливают роль посткапиталистической трансформации как адекватной социальной оболочки развития неоекономики («Знание... находится уже сейчас, по сути, в общественной собственности человечества. Несмотря на все попытки превратить знание в товар, закрепить в частном владении интеллектуальную собственность, 99,95%... знания человечества общедоступно. Даже в ядерной физике засекречено лишь 0,35% информации и, очевидно, еще меньше подлинного знания. Объективные общественные потребности диктуют необходимость поддерживать режим доступности и открытости знания... Знание... удовлетворяет требованию, которое Маркс предъявлял к общественной собственности — чтобы она одновременно была и индивидуальной. Без этого, по Марксу, невозможно

преодоление отчуждения, не произойдет диалектического снятия частной собственности» [33]).

Противоречия, показанные выше, порождены неадекватностью частнокапиталистического присвоения общественному характеру глобализирующегося производства [32]. Присвоение всемирной прибыли частными корпорациями или отдельными государствами противоречит ее экономической сущности как феномена глобального порядка, несмотря на отраслевую или территориальную дискретность ее образования. В этом причина невозможности «экономически обоснованного» распределения и налогообложения прибыли глобальных корпораций на основе национальных юрисдикций. Нельзя достигнуть оптимальности экономического движения глобального по своей сущности феномена на основе принципов, воплощающих закономерности предшествующих этапов экономической цивилизации. Оптимальные формы развития глобального производства и присвоения всемирной прибыли возможны лишь в системе отношений глобальной собственности, субъектом которой выступает все человечество, и реализация которой предполагает присвоение результатов производства в интересах всего человечества. Но возникновение такой системы отношений и означало бы формационный переход к посткапиталистическому развитию.

Технологический базис неэкономике содержит объективный потенциал такого перехода, но перспективы его реализации ограничены из-за противоречия требующихся для этого изменений социального мироустройства интересам олигархии. Инструментально реализация общемировых интересов может быть обеспечена глобальными структурами, обладающими общепризнанными надгосударственными функциями. Но их сегодняшние прообразы, выполняющие некоторые технические функции мирового правительства (ВТО как прообраз глобального министерства торговли; ФРС, ВБ, МВФ как фактические департаменты глобального министерства финансов) явно ориентированы на интересы не всего человечества, а глобального капитала и государственных интересов США.

В несколько большей степени стабильность мировой экономики как глобальная ценность является объектом регулирования со стороны Совета по финансовой стабильности в рамках G20; прослеживается ориентация на общечеловеческие интересы в деятельности ВОЗ, МОТ, ЮНЕСКО и ряда других структур в рамках ООН. Но ее роль как глобального регулятора социальных отношений незначительна (особенно в экономической сфере), а большинство ее подразделений выступают в роли инструментов реализации частных интересов международного капитала и группировки ведущих стран во главе с США (предлагаемые ими проекты реформирования ООН нацелены на усиление отмеченных негативных явлений).

Человечество ощущает острую потребность в освобождении от уродливого и во многом абсурдного состояния, в которое оно ввергнуто господством глобальной олигархии и выполняющего его волю госаппарата США. Проявление этой потребности — многочисленные призывы

к России и ее лидеру вмешаться в разные события в разных регионах («Дорогой Владимир Путин, окажи нам услугу и пришли в Рим своих казаков, атомные подлодки или, хотя бы, пару эскадрилий истребителей. Хоть Вы и коммунист, но больше нас спасти некому. Правители Европы занимаются планомерным уничтожением итальянцев и других европейских народов, которые придерживаются консервативных и традиционных ценностей». С таким обращением к президенту России обратилась от имени своих читателей одна из крупнейших газет Италии *Il Giornale*» [15]). Утрированные формулировки не могут заслонить главного: мир ждет лидера, который возглавит борьбу за кардинальное переустройство глобального порядка, за ограничение всевластия глобальной олигархии. Но успех такой борьбы возможен лишь посредством посткапиталистического формационного переустройства глобального социума; при сохранении частнокапиталистической социальной оболочки глобальных процессов описанные противоречия будут лишь углубляться, порождая репрессии.

Позитивное значение для посткапиталистического переустройства общества и разрешения этнических противоречий может иметь исторический опыт России по осуществлению посткапиталистических преобразований и формированию устойчивой цивилизационной общности с сохранением культурно-национальной идентичности интегрированных в нее народов. Препятствием для реализации глобального лидерства России в посткапиталистической трансформации мира является господство компрадорской олигархии и симбиозного с ней коррумпированного чиновничества, ориентированных на воспроизводство их второстепенно зависимой роли в системе глобального капитала и колониально-сырьевого статуса российской экономики в структуре мирового хозяйства [1; 12].

Ключевым является вопрос, «какую альтернативу Россия хочет предложить внешнеполитическим и геоэкономическим принципам, проводимым в жизнь глобальным капиталом вообще и США, в частности» [3]. Идеи переустройства и развития глобальных взаимодействий на основе гуманизма, справедливости и социальной гармонии, углубления интегрированности и открытости при сохранении уникальной этнической и региональной идентичности и государственного суверенитета, учета интересов всех субъектов международных отношений составляют, как отмечено выше, основу российского проекта неоглобализации, хотя и не всегда прямо определяемого в качестве такового [19]. Но все официальные декларации по поводу данного проекта оставляют в стороне главное — невозможность его реализации в рамках капиталистической системы отношений на глобальном уровне и господства олигархически-чиновной собственности в России, — тем более с учетом того факта, что децильный разрыв в нашей стране в 2017 г. больше, чем был в 1917 г.

Помимо регулирования этнических и демографических проблем, фундаментальной проблемой гуманизации посткапиталистического общества является необходимость поиска оптимального и справедливого соотношения между информационной прозрачностью и правами

личности. Необходимые ограничения могут быть лишь результатом новой формы «общественного договора», отражающего как неизбежность и обязательность новых форм информационного контроля и его положительный эффект, так и социальные гарантии свободы личности, не нарушающей признанных обществом норм.

Определение эффективного с точки зрения общественных интересов соотношения между свободой деятельности и принципами гуманизма, справедливости и стабильности необходимо также в сфере биоинженерии. Гуманистическая альтернатива несовместима с крайностями неоевгеники, чреватых расколом человечества на неравноправные биологические подвиды. В то же время очевидна необходимость развития биоинженерии для борьбы с болезнями и достижения активного долголетия для каждого жителя планеты.

Объективная историческая логика, по которой переход от индустриального к постиндустриальному этапу развития столь же необходим и закономерен, как и предшествующий переход к индустриальному от доиндустриального, обуславливает формирование потенциала перехода от капиталистических к социалистическим производственным отношениям и от частной — к общественной собственности в качестве адекватной социально-экономической оболочки технологического базиса глобально-информационного способа производства.

Идея неосоциалистической перспективы содержит объединяющий потенциал и могла бы стать импульсом формирования единого глобального гуманистического мировоззрения, альтернативного антигуманным концептам олигархического тоталитаризма, не способного существовать без усиления социального и этнического неравенства. «Самым радикальным исходом глобализации, феноменом ныне многообразных национальных и этнических компонентов мира может оказаться унификация социокультурного мировоззрения (бытия) человечества» [18. С. 58].

Однако наиболее гуманная модель неоглобализации сегодня наименее вероятна. Доминирование частной собственности глобальной олигархии и господства олигархии в надстроечных сферах делает перспективы неоглобализации в форме гуманистических формационных преобразований общества значительно менее вероятными, чем тенденции усиления господства глобальной олигархии, — по крайней мере, в ближайшие годы.

Литература

1. **Болдырев Ю.** Разлагающаяся олигархия не способна сопротивляться Западу. — <http://svpressa.ru/politic/article/178082/?rss=1> (дата обращения: 25.10.2017).
2. **Братерский М. В.** Изменения мировой системы сквозь призму политической экономии // США—Канада: экономика, политика, культура. 2009. № 11.
3. **Бузгалин А.** Каким должен быть наш ответ на санкции. — <https://www.kp.ru/daily/26712/3737700/> (дата обращения: 25.10.2017).

4. **Бузгалин А. В., Колганов А. И.** Глобальный капитал : в 2 т. М. : Ленанд, 2015.
5. **Вандышева Е.** Эволюция концепта «политическая повестка» в зарубежных политологических исследованиях // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 4.
6. **Вельяминов Г. М.** Пороки неоглобализации // Вельяминов Г. М. Международное экономическое право и процесс. М. : Волтерс Клувер, 2004. Гл. 1.6.
7. **Глазьев С.** Глобальный системный кризис и феномен Трампа. — <https://izborsk-club.ru/13920> (дата обращения: 25.10.2017).
8. **Глазьев С. Ю.** Экономика будущего. М. : Книжный мир, 2016.
9. Глобальное управление: возможности и риски / отв. ред. В. Г. Барановский, Н.И.Иванова. М. : ИМЭМО РАН, 2015.
10. **Гринберг Р. С., Бузгалин А. В.** Старая модель развития исчерпана. Куда движется мир? // Россия и современный мир. 2015. № 2.
11. **Даиров И.** От глобализации по-американски к глобализации по-китайски. — <http://analitika.akipress.org/news:5518> (дата обращения: 25.10.2017).
12. **Делягин М.** Нищета и бедность, которых «не видит» Росстат // Промышленные ведомости. 2017. № 6.
13. **Делягин М.** Перспективы левой идеи в постиндустриальном мире // Свободная Мысль. 2015. № 2.
14. **Делягин М. Г.** Феномен экономических реформ: от инструмента глобальной конкуренции к элементу глобального управления // История мировой экономики. Вып. 5 : Экономические теории и рыночные реформы : сборник статей. М. : ИЭ РАН, 2016.
15. Европейцы обратились к Путину. — <https://info reactor.ru/85468-evropeicy-obratilis-k-putinu-hot-ty-i-kommunist-no-spasti-nas-bolshe-nekomu> (дата обращения: 25.10.2017).
16. **Елецкий Н. Д.** Глобальная политическая экономия: предметная определенность и роль в анализе кризиса современного глобализма // Свободная Мысль. 2017. № 2.
17. **Елецкий Н. Д.** Современная мирохозяйственная система: структурное перестроение и социальное переформатирование // Философия хозяйства. 2009. № 6.
18. **Залывский Н. П.** Геополитическая конкуренция государств за экономическое лидерство в будущем мире // Век глобализации. 2014. № 1.
19. Итоговая сессия клуба «Валдай». Ключевые заявления. — <https://ria.ru/politics/20171019/1507158201.html> (дата обращения: 25.10.2017).
20. **Кефели И.** Эра полукиборгов: человечество разделится на два биологических вида. — https://sciencerop.ru/era-polukiborgov-chelovechestvo-razdelitsya-na-dva-biologicheskikh-vida/?utm_source=directadvert.ru&utm_medium=cpc&utm_campaign=no%20group&utm_content=ad-7164670&utm_term=directadvert_740193 (дата обращения: 25.10.2017).
21. **Кочетов Э.** Выход Великобритании из Евросоюза с позиций геоэкономических воззрений // Наука и инновации. 2016. Т. 11. № 165.
22. **Лепехин В.** Миссия Трампа — завершить глобализацию мира без ядерной войны. — <https://ria.ru/analytics/20170428/1493337489.html> (дата обращения: 25.10.2017).
23. **Лукьянов С., Драпкин И.** Глобальные цепочки создания стоимости: эффекты для интегрирующейся экономики // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 4.
24. **Небольсина Н.** Теоретические подходы к пониманию явления частных военных и охранных компаний // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 8.
25. **Осипов Ю. М.** Неоэкономика как высшая на сегодня историческая форма экономики // Философия хозяйства. 2016. № 2.
26. Ротшильды убили 6 президентов США. — http://www.mignews.com/news/arabisrael/world/260817_155303_79191.html (дата обращения: 25.10.2017).

27. **Сапир Е. В., Волкова А. И.** Глобальная и региональная интеграция: новые геоэкономические вызовы // Актуальные вопросы современной экономики в глобальном мире. 2016. № 5.
28. Сокращение населения планеты. — <http://www.insiderrevelations.ru/forum/forum18/topic1095/> (дата обращения: 25.10.2017).
29. **Соловьева О.** Си Цзиньпина признали «царем глобализации». — http://www.ng.ru/economics/2017-01-18/1_6905_china.html (дата обращения: 25.10.2017).
30. **Сычев Н. В.** Актуальные проблемы политической экономии. М.: Дело, 2015.
31. **Сычев Н. В.** Политическая экономия, или общая теория развития экономики. М.: ЛИНК, 2012.
32. **Сычев Н. В.** Формационная теория и проблема экономического детерминизма // Вестник Международного института менеджмента ЛИНК. 2015. № 7.
33. **Тарасов А.** Суперэтатизм и социализм. К постановке проблемы. — http://scepsis.net/library/id_102.html (дата обращения: 25.10.2017).
34. **Фурсов А.** Мировая борьба. Англосаксы против планеты. М.: Книжный мир, 2017.
35. **Шюссель В.** В поисках новых правил для постглобального мира. — <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/novye-pravila-postglobalniy-mir/> (дата обращения: 25.10.2017).
36. Bilderberg Plans World Population Reduction of 80%. — <https://www.youtube.com/watch?v=Rrog5q5n-XE> (дата обращения: 25.10.2017).
37. **Cohn T. H.** Global Political Economy: Theory and Practice. 7th ed. N. Y.: Routledge, 2016.
38. **Desai R.** Geopolitical Economy: After US Hegemony, Globalization and Empire. The Future of World Capitalism. L.: Pluto Press; Halifax: Fernwood Publishing, 2013.
39. **Eletsky N.** Contradictions of Formation of the Global Economic Governance System // International Journal of Management Science and Business Administration. 2016. Vol. 2. Is. 10.
40. **Eletsky N.** Global Political Economy in Context of Evolution of Political-Economic Thought // Global Journal of Human-Social Science: Economics. 2017. Vol. 17. Is.1.
41. **Estulin D.** The True Story of The Bilderberg Group. — https://www.goodreads.com/book/show/1790841.The_True_Story_of_the_Bilderberg_Group (дата обращения: 25.10.2017).
42. Global Political Economy / ed. by John Ravenhill. 5th ed. L.; N. Y.: Oxford University Press, 2017.
43. **Kindleberger Ch.** The World in Depression: 1929—1939. Berkeley: UCP, 1973.
44. **Lagarde C.** IMF may soon be moving to China. — <https://www.rt.com/business/397424-imf-move-beijing-decade-lagarde/> (дата обращения: 25.10.2017).
45. **Maxwell J.** Matrix of Power: How the World Has Been Controlled by Powerful People Without Your Knowledge. Escondido (CA): Book Tree, 2000.
46. Oxfam International. An economy for the 99%. — <https://www.oxfam.org/en/research/economy-99> (дата обращения: 25.10.2017). ◆